

К-312 А.О.

А.КАШИНЦЕВ

см. илл.

ОБЕЗЪЯНИИ

ПРОЦЕСС

В АМЕРИКЕ

35 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1931.

Зем. 4226.

Утильщик 1-й Образцовой тип. Москва

А. КАШИНЦЕВ

K-312

ОБЕЗЬЯНИЙ ПРОЦЕСС В АМЕРИКЕ

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА
Г. ПЕТРОВА

K

38769
1931 г. 500 экз. 1000

38769

101
K. 312. A. D.

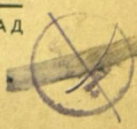
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

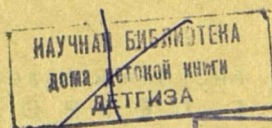
МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

КАТАЛОГ

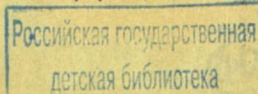

16853.

1951-50 г.

644692 kv-reg.

Д-41, Гиз № 42.943/л.

Ленинградский Областлит № 70.750.

Тираж 10.000—4 л.

Заказ № 2184.

Государственная тип. им. Евгении Соколовой, Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.

ДАЙТОН

Дайтон—небольшой и тихий город. Находится он в Америке, в штате Тенесси.

О нем ничего не узнаешь по учебнику географии. Его не отыскать на карте Америки. Никто не позаботился о том, чтобы отметить его там хоть маленьким кружочком.

Жители Дайтона знают друг друга наперечет. От дайтонского вокзала до центральной площади, где по воскресеньям играют в футбол, можно дойти в четверть часа. Дома в Дайтоне маленькие и деревянные. На улицах барахтаются в пыли куры, так же как у нас в Калуге или Конотопе.

Пять лет тому назад никто кроме американцев и не знал, что такой город существует на свете.

И вдруг — газеты всего мира заговорили о Дайтоне. Им заинтересовались знаменитые ученые и политики Европы. Во всех журналах появились фотографии Дайтона и его жителей. За один месяц — июль 1925 года — о Дайтоне разнесся слух по всему земному шару. Вот как это вышло.

ВЗБУНТОВАВШИЙСЯ ГОРОД

На улицах вдруг появились плакаты.

Одни висели поперек улиц на проволоках и качались над головами прохожих. Другие были на-

клеены на стенах и заборах. На всех — одни и те же надписи:

ЧИТАЙТЕ БИБЛИЮ!
РУКА ГОСПОДА ПОРАЗИТ НЕЧЕСТИВЫХ!
ДОЛОЙ ДАРВИНИСТОВ! ДОЛОЙ СКОПСА!

На вокзальной площади, у подъезда гостиницы, собралась толпа. Приезжие, в дорожных костюмах, с чемоданами в руках, размахивают зонтиками и теснятся вокруг старого негра-швейцара.

— Нет места, джентльмены, нет места! — кричит негр. В одиночных номерах по четыре человека! Ни одной свободной койки! Для приезжих нами еще вчера разбиты палатки! Где? На каждом перекрестке! Пожалуйте туда, сэр! Не напирайте, сэр!

Мужчина в клетчатом пледе и огромных роговых очках ворчит: «Проклятая дыра! Негде переночевать за свои деньги!»

Он вытирает платком вспотевший лоб и бежит вирипрыжку через дорогу к вокзалу. Там, под аркой, стоит киоск, похожий на большую скворешню. Это — лавочка торговца лимонадом и содовой. У прилавка — объявление:

ОБЕЗЬЯНЫМ ЛЮДЯМ ЗДЕСЬ НЕ ПРОДАЮТ

Очкастый джентльмен одобрительно хохочет и залпом проглатывает кружку содовой.

А на улицах — шум, грохот, сутолока. На Центральной Авеню — вереница автомобилей. Один за другим — нос в хвост, нос в хвост. Их гудки режут, кудахчут и квакают. Испуганные пешеходы перебегают дорогу, роняя котелки и палки под колеса.

Кэпи, панамы и шляпы — все сплошной массой движется в одну сторону. Из толпы несутся крики: «Ура, Брайан! Да здравствует посол господа бога!» Тротуары будто движутся вместе с народом — вперед, вперед, туда, где улица Линкольна. Она обсажена вязами и пестра от плакатов. Там, впереди, чернеет огромная толпа... Она окружает серенькое двухэтажное здание, крытое черепицей. Наверху здания поднимается круглая башенка с часовым циферблатом.

Все спешат сюда. Это окружной суд штата Теннесси.

Там начнется сегодня процесс. Журналисты, фотографы, кинооператоры и зеваки — все должны быть там. Они толпятся у самых дверей с аппаратами, треножниками, сумками и блокнотами. Их дело — дать отчет стране обо всем, что они увидят и услышат.

— Сэр! У вас сзади хвост, как у обезьяны! — кричит один. — Подвиньтесь вперед, иначе я наступлю на него сапогом!

— У вас у самих хвост! — отвечает сосед. — Я, слава богу, не происхожу от обезьяны!

Оба весело хохочут. Толпа шумит и волнуется у закрытых еще дверей суда. А напротив, у решетки городского сада, покачивается от ветра огромное двухсаженное полотнище. Аршинными буквами на нем написано:

**ХОТИТЕ ЛИ ВЫ СТАТЬ АНГЕЛОМ?
СОРОК (40) ДНЕЙ МОЛИТВЫ!
ЕСЛИ ВЫ ОЧИСТИТЕСЬ —
БОГ БУДЕТ ГОВОРИТЬ С ВАМИ ЛИЧНО.**

Чемпион Библии
Дерк Картер

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ В ДАЙТОНЕ

Такой суматохи старожилы города никогда еще не видели.

Иностранец, попавший сюда в это время, подумал бы, что в Дайтоне землетрясение или восстание. Или выборы президента, по крайней мере.

Но нет — ни землетрясения, ни восстания не было.

Репортеры в роговых очках, вспотевшие дамы с зонтиками и бродяги, распевające по улицам псалмы — собираются слушать, как строгие дайтонские судьи решают трудное дело.

На суде будут спорить о том, чему верить — Библии или науке?

На суде будут спорить — о дарвинизме.

А судить будут учителя Джона Скопса за то, что он объяснял школьникам, как произошел человек, не по Библии, а по Дарвину.

Против Скопса выступает Всеамериканская Ассоциация Фундаменталистов. Фундаменталистами называются люди, считающие Библию основой, фундаментом всякой науки. Они учат, что кроме Библии человеку ничего не нужно читать: все знания ему дает только Библия. По ней можно изучить все науки: и историю, и астрономию, и физику, и географию.

«Ассоциация» очень богатая и сильная организация. Ее поддерживают все крупные капиталисты Америки. В одной из ее церквей часто бывает знаменитый миллиардер Пирпонт Морган. Он состоит даже председателем церковного совета и во время богослужения сам иногда ходит с тарелочкой по церкви, собирая деньги с верующих.

Бороться с «Ассоциацией» нелегко.

Если победят фундаменталисты — Скопса заставят уплатить большой штраф. Ему откажут от места и запретят преподавать в других школах.

Учитель и его семья останутся без куска хлеба.

Но мало этого.

Фундаменталисты могут тогда добиться в Законодательном Собрании, чтобы дарвинизм был запрещен во всех школах Америки. Ученые-дарвинисты будут тогда изгнаны из университетов. А в приходских школах ученикам будут читать только одну библию и арифметику. Вот чем грозила победа фундаменталистов.

ЧЕМУ УЧИЛ ДАРВИН

Люди всегда интересовались: что такое человек? Почему он отличается от других животных? Как произошел на земле род человеческий?

И придумали разные сказки об этом.

Дикари с островов Тихого океана говорили, что человек вышел из яйца. Будто бы когда-то большой и красивый петух сидел на трех яйцах. Высидел мальчика и двух девочек. А от них уже и пошли люди на земле.

Индейцы говорили, что люди жили раньше под землей. А потом нашли в земле дыру, по которой выбрались наружу. С тех пор будто бы они и живут здесь.

Китайцы говорили, что люди произошли от дождевых червей, которые питаются землею.

А некоторые народы учили, что люди были созданы богами. Одни думали, что боги вылепили людей из глины. Другие — что люди были высе-

чены из камня. А третьи — что их вырезали из дерева, как игрушки.

Христиане верили, что человек и весь мир созданы единым богом. Бог, говорили они, создал первых людей на свете — Адама и Еву. Адама он сделал из земли и потом вдунул в него бессмертную душу. А жену его, Еву — бог сделал из ребра Адама. От этих-то людей и пошел род человеческий.

Об этом написано в священной книге христиан — Библии.

«И сказал бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему; и да владычествует он над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

«И сотворил бог человека по образу своему, по образу божиию сотворил его.

«И навел господь бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его и закрыл то место плотью.

«И создал господь бог из ребра, взятого у человека, жену и привел ее к человеку» ...

Но правильно объяснить, как и почему произошел человек — не мог никто. Научно объяснил это в прошлом девятнадцатом веке знаменитый английский ученый — Чарльз Дарвин.

Христиане верили, что мир сотворен богом в шесть дней. За это время бог создал и человека и все породы животных. Христиане верили, что видов животных сейчас столько же, сколько их создал бог. Животный мир, говорили христиане, ничуть не изменился за все время существования земли.

Ученые доказали, что это неправильно. Они устраивали раскопки и часто находили в земле кости древних животных. Ученые находили целые скелеты таких животных, которых сейчас уже нет. Сейчас мы знаем, что много тысяч лет назад жили страшные чудовища. Жили громадные косматые слоны с сажеными клыками, громадные птицы с хвостами, как у ящериц, и много других диких зверей. Мамонты, ихтиозавры, динозавры, археоптериксы. Сейчас они уже вымерли, и на смену им появились новые звери и птицы. Значит, животный мир не один и тот же. Он изменяется и развивается.

Дарвин в своей книге «Происхождение видов» доказал, что ничего неизменного в природе нет. Виды животных постоянно изменялись и совершенствовались. Животные всегда вели между собою борьбу за существование. И выживали из них самые сильные, самые приспособленные к жизни.

Слабые животные погибали в этой борьбе, и виды поэтому изменялись. Дарвин первый заметил этот процесс в природе и назвал его «естественным отбором».

До Дарвина думали, что бог сотворил животных и все живое на свете — только для того, чтобы оно служило человеку. Над этим уже давно некоторые смеялись. Знаменитый немецкий поэт Гейне шутил:

— Бык сделан для того, чтобы повар сварил крепкий бульон, — говорил он. — Осел — для сравнения с человеком. А человек для чего?

И отвечал:

— Человек сделан для того, чтобы есть бульон и не походить на осла.

Дарвин доказал, что человек — такое же животное, как и другие, только более разумное. Произошел он также, как и все современные животные — путем «естественного отбора». Предок человека сначала был четвероногим, волосатым животным. В течение долгих лет он постоянно изменялся и приспособлялся к природе. Человек постепенно научился стоять на ногах и перестал уже бегать на четвереньках, как другие животные. Руки у него освободились от ходьбы и он мог ими работать. Тогда человек смог уже делать себе разные орудия. С их помощью он начал добывать пищу, обрабатывать землю, высекать огонь. Потом он научился и говорить. Так он постепенно отделялся от других животных и наконец стал таким, каким мы видим его сейчас.

Многие ученые подтвердили догадки Дарвина. Они думали так:

Если человек произошел от обезьяноподобных животных, то прежде, значит, жили такие животные, которые были похожи и на человека и на обезьяну. То-есть наполовину человек — наполовину обезьяна. И оказалось, что такие животные жили. Ученые нашли в земле черепа и скелеты таких животных. Так было установлено, что человек — родня обезьяне.

Один такой череп был найден на острове Яве. Открывший его ученый назвал животное, которому принадлежит череп — «питекантропом». По гречески это значит — «обезьяно-человек».

Теперь уже всем известно, что человек не произошел прямо от обезьяны. Было прежде волосатое четвероногое, которое жило на деревьях. От него произошли с одной стороны — обезьяны, с дру-

гой — «обезьяно-человек», и, наконец, сам человек.

Человек, значит, не был сотворен. Много миллионов лет понадобилось для того, чтобы животное стало человеком.

Против Дарвина выступили священники.

— Он разрушает веру в бога, — говорили они. — Если человек не сотворен богом, если он не царь земли — то Библия говорит, стало быть, неправду?!

На одном диспуте священник ехидно спросил у дарвиниста профессора Гексли:

— Ведь ваши прадедушка или прабабушка, должно быть, были обезьянами? Что вы думаете об этом?

Профессор улыбнулся и ответил:

— Я думаю, что лучше быть умной обезьяной, чем глупым человеком!

А некоторые буржуазные ученые говорили прямо:

— Дарвинизм нужно запретить — он ведет прямо к социализму!

Поэтому по некоторым штатам Америки запретили преподавать дарвинизм в школах. Запретили его и в Дайтоне, где учителем был Джон Скопс. Скопс стоял за науку и дарвинизм. Он не послушал этого приказа.

И за это сел на скамью подсудимых.

7

ПОСОЛ ГОСПОДА БОГА

Седьмого июля в Дайтон приехал Уильям Дженнингс Брайан. Он был главным обвинителем Скопса.

Брайана знала вся Европа и Америка. Буржуазная партия демократов много лет избирала его своим представителем в законодательном собрании. В начале мировой войны Брайан был даже министром иностранных дел.

Теперь он был вождем «Всеамериканской Ассоциации Фундаменталистов» и разъезжал по всей стране, читая лекции и доклады против дарвинизма.

— Храните веру в Библию! — проповедывал Брайан. — Все, что противоречит Библии — несет с собой разрушение и смерть!

— Вся наука должна подчиниться Библии! — учил Брайан. Об этом он написал много книг.

О нем знали, однако, не только по книгам. Много рассказов ходило о его привычках, вкусах, наружности. У каждого фундаменталиста в доме имелся портрет Брайана. Это было почти так же обязательно, как иметь библию.

На портретах Брайан был изображен лысым стариком, одетым во все черное. У него был горбатый нос и глаза такие пристальные, что становилось жутко. Острый подбородок его вытягивался вперед и зубы скалились. Было похоже, что мистер Брайан хочет укусить кого-то.

Вот какой человек должен был обвинять учителя Скопса!

Накануне суда, 9 июля, он созвал своих сторонников на религиозный митинг.

Сбор был назначен ночью, за чертою города, на горе. Гора эта называлась в городе «Холм благоденствия».

Целой армией отправились туда репортеры. Но пробраться на митинг никому не удалось. Митинг

охраняли фундаменталистские патрули. Они пускали слушателей только по особым билетикам. Брайан не хотел, чтобы его речь стала известна посторонним и пошла бы на страницы газет.

Так никто кроме фундаменталистов и не узнал, о чем Брайан говорил на митинге. А по городу ходили слухи — Брайан рассказывал верующим:

- 1) что дарвинизм — причина мировой войны,
- 2) что спиртные напитки для Америки гораздо полезнее, чем дарвинизм,
- 3) что дарвинизм — величайшее проклятие человечества со времен Адама,
- 4) что мужья и жены в Америке разводятся так часто потому, что верят учению Дарвина.

Все дайтонцы, кроме небольшой кучки, были против безбожника Скопса. Все с нетерпением ожидали начала суда, где наука и Библия должны были встретиться лицом к лицу.

ДЕЛОВОЙ ДЕНЬ СУДЬИ

Сэр Джон Раульстон, председатель окружного суда, сидел у себя в комнате за столом. Судья был занят делом.

Он вырезал из картона фигурки, скреплял их нитками и клеем, потом разрисовывал красками. Это была модель «Воскресения Христова». Судья хотел поднести ее местной приходской школе. Это было бы наглядным пособием при изучении школьниками библии. Таким же, как глобус или географическая карта при изучении географии.

Модель изображала пещеру, в которой лежал гроб. Величиной он был со спичечную коробочку. Пещеру караулили два римских воина в медных

касках и с копьями. Вверху над пещерой на ниточках висели облака.

Судья тянул за ниточку, и механизм начинал двигаться. С картонных нарисованных облаков спускались картонные ангелы. Это были румяные и голубоглазые человечки в белых рубашках, с белыми крылышками. Они снимали крышку с пещеры, и Христос воскресал.

Он разводил ручками, как будто хотел сказать: «Чорт побери, долго же я спал!» Судья дергал за ниточку — и Христос вместе с ангелами возносился на картонные голубые облака. Крышка пещеры автоматически захлопывалась, представление на этом кончалось.

Эта работа не входила в служебные обязанности судьи. Но он был попечителем приходского совета школы. Он должен был заботиться о том, чтобы ученики хорошо знали Библию.

Судья был толстым и низеньким человеком. Лицо его было пухлое и розовое как мармелад, а седые волосы аккуратно зачесаны за уши. Больше всего на свете он любил теплую ванну. Приятели говорили о нем:

— Это человек первого сорта!

— Он стоит сто тысяч долларов!

А это считалось у них самой большой похвалой.

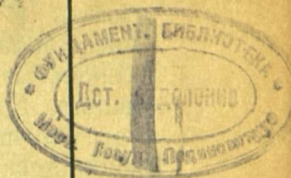
Судья был еще председателем «Лиги Добропорядочных Людей» и членом городского «Общественного Комитета». Так называлось учреждение, в котором сидели священники и полицейские и наблюдали, чтобы в городе было все спокойно.

У себя на службе судья сидел со строгим лицом. Судья должен быть строгим — иначе он не может судить.

674692

На двери его кабинета была вывешена надпись:

**БОГ СОТВОРИЛ МИР
В ШЕСТЬ ДНЕЙ
ВАМ ДОСТАТОЧНО
ШЕСТИ МИНУТ
ЧТОБЫ ИЗЛОЖИТЬ
ВАШЕ ДЕЛО**

Вот кому было поручено судить учителя Скопса!

10 ИЮЛЯ 1925 ГОДА

В девять часов утра двери суда распахнулись. Крича и толкаясь, хлынула толпа. Скамейки и стулья занимались с бою. Зрители теснились в проходах между скамьями, у деревянных колонок и на галлерее. Шум утих, когда на возвышение вошли члены суда и председатель. Потом опять зашумели: это задние вскакивали на скамейки, чтобы лучше видеть.

В передних рядах зашептались дамы:

— Кларенс Дарроу? Ах, этот самый? Где? Вот этот!

Из зала, как по команде, на эстраду направились лорнеты и бинокли. К столу, за которым сидели защитники, подходил высокий джентльмен с улыбавшимся лицом. Он был одет весь в черное и белое. Черными были костюм и галстук, а белыми — воротничок и жилет. Прищуренным глазом он внимательно смотрел на толпу.

Это и был знаменитый Дарроу, адвокат из Чикаго. Все знали его, потому что его имя часто упо-

миналось в газетах и журналах. На процесс Скопса он приехал по приглашению «Лиги Гражданской Свободы», которая уплатила ему за согласие участвовать в защите несколько тысяч долларов. «Лига» была во вражде с «Ассоциацией Фундаменталистов» и с Брайаном. Узнав, что Скопса будет обвинять Брайан, она немедленно пригласила на защиту лучших адвокатов из Чикаго, Нью-Йорка и Вашингтона. Адвокаты должны были нанести поражение Брайану и его «Ассоциации».

Защитники и обвинители заняли свои места — по правую и левую руки судьи. Посередине, на особом возвышении, за столом уселся судья — сэр Джон Раульстон.

Судья был закутан в широкую черную мантию, и на груди его висела тяжелая цепь. Это был его судейский знак. В большой мантии было трудно разглядеть маленького судью. А когда судья поднял руки, то сделался похож на большую летучую мышь, с розовой головкой и седым хохолком.

Заседание суда началось. — Досточтимый мистер Картрайт, — сказал судья тонким голосом, — прочтите молитву!

Пастор встал и достал свой молитвенник. Так начался процесс.

ОДИННАДЦАТЬ ФЕРМЕРОВ И ОДИН КОНТОРЩИК

Поднявши глаза к потолку, пастор молился:

— Мы знаем, отец наш, что ты — источник нашей мудрости и разума. Мы неспособны мыслить чисто и поступать правильно без помощи твоей и твоего божественного духа!

— С сознанием нашей слабости, нашей немощ-

ности и невежества мы приходим к тебе в это утро, божественный отец, просить твоей помощи, дабы суд разрешил процесс так, чтобы имя твое было возвеличено и прославлено среди людей!

— Мы молим тебя, отец наш, помочь суду решить это дело справедливо для всех и поддержать твою чистоту и святость!

Суд приступил к выбору присяжных.

К столу, который стоял поблизости от судьи, подскочил маленький юркий человечек в пестром жилете. На столе стоял дубовый ящик, в котором были карточки. На карточках были написаны фамилии. Юркий человечек, секретарь суда, начал доставать по одной карточке и выкликать фамилии.

— Джесс Гудрич! — звонко кричал он.

— Здесь, сэр! — отвечал бас из публики.

Пожилой, небритый мужчина направился к скамье присяжных.

— Ваша профессия? — строго спросил его Брайан.

— Фермер, ваша честь! — Загудел басом присяжный.

— А вероисповедание?

— Методист, ваша честь!

Так были вызваны все присяжные. Брайан спрашивал их по одиночке. А потом говорил, обращаясь к судье:

— Приемлем для народа!

На судейском языке это означало: «достоин быть присяжным».

Кончив, он уселся с довольным видом. Потирая костлявые руки, Брайан посмотрел на Дарроу.

Дарроу спросил одного из присяжных:

— Читали ли вы что-нибудь о дарвинизме?

— Нет, сэр! — отвечал тот, вздохнув, — я неграмотен.

Дарроу начал допрашивать других присяжных. Всего их было двенадцать человек. Одиннадцать из них оказались простыми фермерами. Они хорошо знали, чем нужно кормить коз и овец. Они умели хорошо сбивать масло и выводить цыплят. Но никто из них ничего не знал об ученом Дарвине и о том, как произошел мир. Дарроу нахмурился.

Эти одиннадцать принадлежали к сектам баптистов и методистов. А двенадцатый был конторщиком и членом общины «Учеников Христа».

Все присяжные состояли членами «Ассоциации Фундаменталистов». Уильяма Дженнингса Брайана они считали величайшим человеком в мире. И вот они должны были решить все дело и вынести приговор учителю Скопсу.

«Скопс осужден еще до начала процесса», писали газеты.

ЗА ЧТО СУДИТЬ?

Судья встал и тонким, старушечьим голоском прочитал закон. Читал он по толстой и тяжелой книге с кожаным переплетом. Там были напечатаны все законы, выпущенные генеральным собранием штата Тенесси. Закон, который заставил арестовать учителя Скопса, тоже вошел туда.

Судья читал:

«Генеральное собрание штата Тенесси решило, что незаконно в колледжах и общественных школах штата Тенесси обучать детей теории Дарвина. О сотворении человека нужно учить так, как это рассказано в Библии. Нельзя учить детей, что человек произошел от животных.

«Всякий учитель, который нарушит этот закон — будет считаться преступником. И он должен быть подвергнут суровому наказанию».

Все слушали судью, затаив дыхание.

В передних рядах залы сидели старики. Их было много — человек двадцать. У всех был очень серьезный вид. Они были одеты в глухие черные сюртуки, а в петличках блестели металлические значки.

Старики не были похожи на обычных жителей Дайтона. И верно — это были приезжие. Это были эксперты, которых пригласила защита. Они должны были давать показания о том — правильно ли учение Дарвина или нет. А значки, висевшие у них на сюртуках — означали, что они состоят почетными членами разных научных обществ. Так, у одного рыженького старичка был значок Парижской Академии Наук. Старичок тридцать семь лет изучал геологию и палеонтологию. Его научные книги разошлись по всему миру.

Все пришедшие с нетерпением ждали, когда судья прикажет ученым дать свои показания. И ожидали, что обвинитель Брайан докажет ученым вредность учения Дарвина. Многие только из-за этого и явились на процесс.

КОГО СУДИТЬ?

Судья прочитал обвинительный акт:

«Сэр Джон Скопс, житель города Дайтона, 27 лет от роду, по профессии преподаватель, обвиняется судом штата Тенесси в преступлении, предусмотренном законом Собрания штата от 23 марта 1925 года. Следствием установлено, что упомяну-

тый Джон Скопс в день 17 апреля сего 1925 года публично изложил перед учениками колледжа, в котором он числится преподавателем, основы теории дарвинизма о происхождении человека от низших животных. Свидетели по данному делу показывают о явно сочувственном и одобрительном отношении преподавателя Джона Скопса к вышеозначенным теориям. Материалом для лекции Джона Скопса послужила книга известного биолога Гюнтера, целиком поддерживающего учение Дарвина о происхождении животных и человека, пропагандирующего известное учение о «естественном отборе».

«На предварительном следствии обвиняемый преподаватель Джон Скопс сознался в вышеупомянутом противозаконном деянии. Посему, на основании подтвердившихся данных следствия, преподаватель Джон Скопс привлекается к ответственности, согласно закону, воспрещающему преподавание в общественных школах теорий, противоречащих библейскому рассказу о божественном сотворении человека».

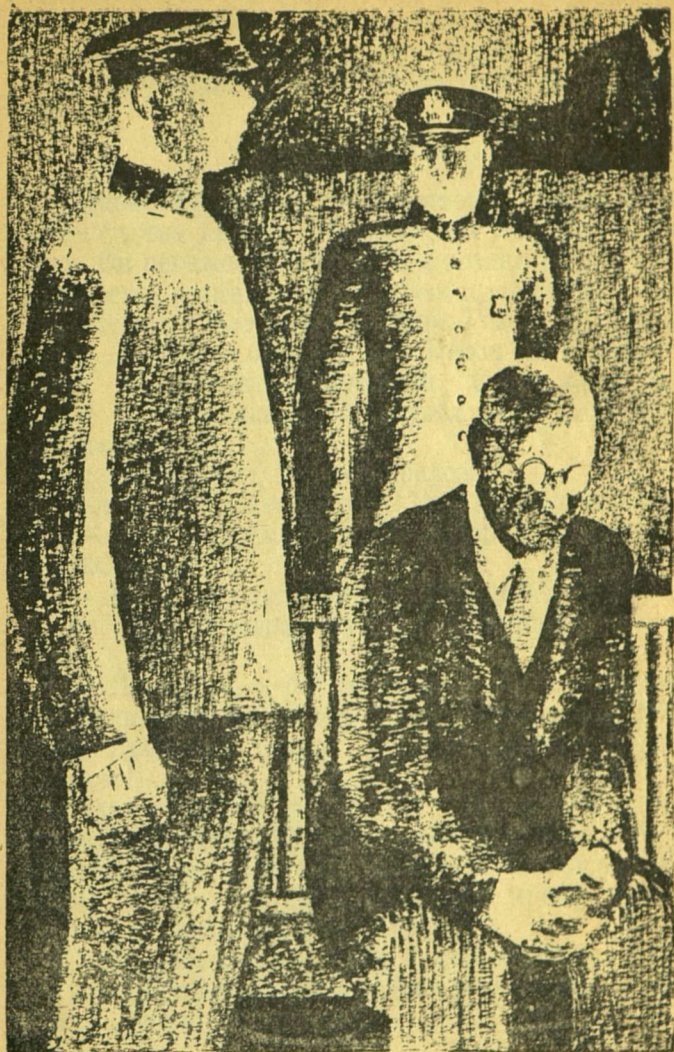
Фотографы и кинооператоры наводили свои аппараты туда, где стояла скамья подсудимых.

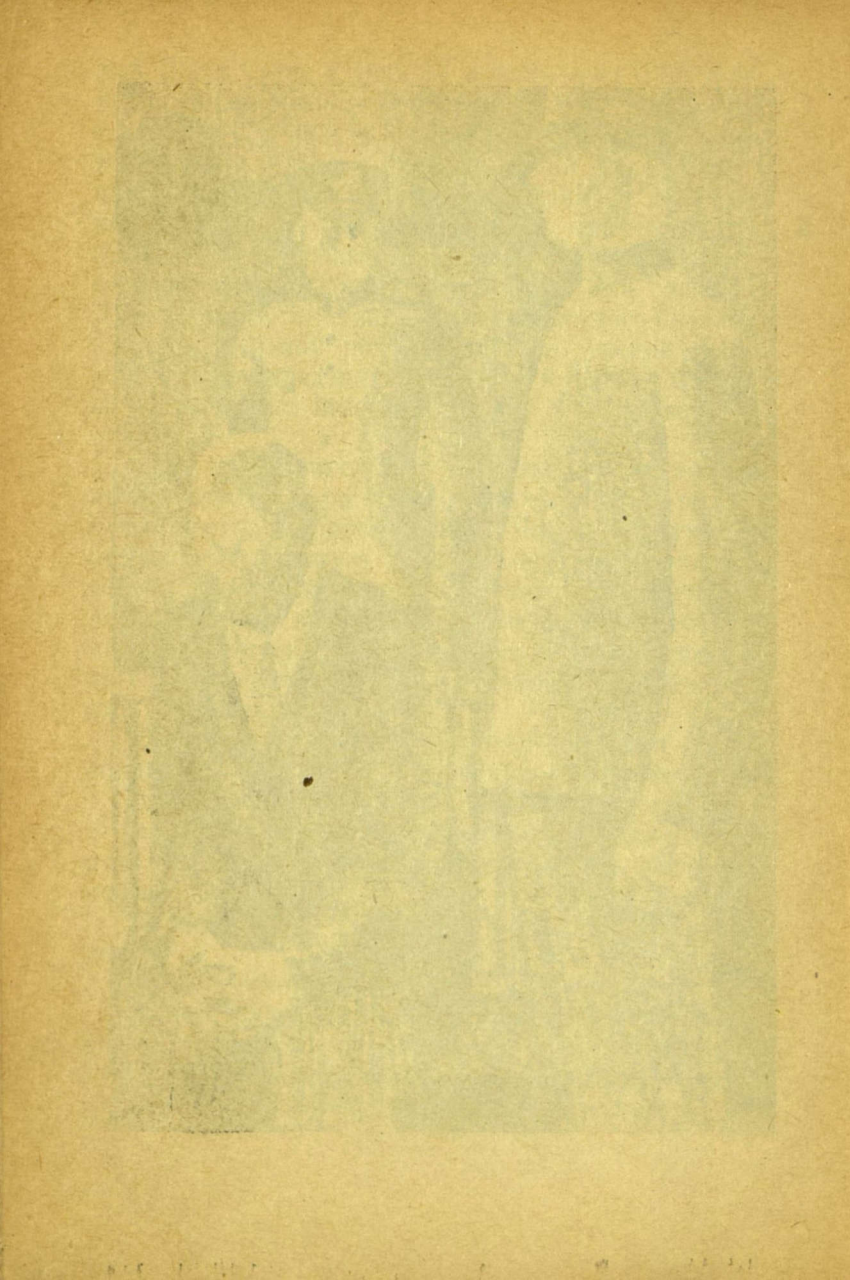
А на скамье сидел худой человек с чахлым зеленым лицом. На носу его были круглые железные очки. Он молчал все время, только левая щека его нервно подергивалась.

За спиною его стояли два вооруженные полисмента.

Это был обвиняемый — учитель Джон Скопс.

На столе «вещественных доказательств» лежала книга, по которой учил Скопс. Это была «Биология» Гюнтера. Книга эта свободно продавалась во всех

магазинах Дайтона. Закон не запрещал этого—ведь нельзя же отнимать доход у издателей и торговцев! Закон запрещал только учить по этой книге в школах.

КАК СУДИТЬ?

Судья Раульстон торжественно развалился в бамбуковом кресле. Челюсти его усиленно работали. Он пережевывал мягкий и вязкий шарик ароматической резинки. Это было его привычкой.

Заседание шло своим чередом. Говорили защитники. Говорили обвинители. Потом опять защитники. Потом опять обвинители. Судья жевал резинку и не спеша перелистывал «Нью-Йорк Геральд». И вдруг...

Судья подумал, что ослышался.

Нет, это на самом деле. Это говорит обвинитель—морщинистый усатый генерал в желтых крагах.

— Не нужно экспертов! — заорал генерал.

Да, генерал заорал. Судья не ослышался. В чем дело?

— Дело ясно и без экспертов! — кричит генерал, и лицо его багровеет. — Мы против этого! Мы хотим разбирать только — нарушил закон Скопе или нет!

Судья захлопал маленькими глазками. Челюсти его остановились. Резинка завязла в зубах. Он был поражен. К чему же тогда процесс? Что Скопе нарушил закон — это ясно! Но нужно прежде разобраться — правильный ли был закон?

Судья поднял было руку с колокольчиком. Но тут встал Брайан. Он пристально взглянул на судью и сказал резко:

— Я присоединяюсь к мнению генерала! Дело должно разбираться строго по закону! Скопс нарушил закон. Для суда этого достаточно. Разговаривать с экспертами нам не о чем!

Резинка выпала у судьи изо рта.

В зале на миг все притихло. Потом сразу все зашептались, заговорили, зашумели. — Издевательство! — К чему тогда вся эта музыка?! — Чего они болтают?! — Дайте другого судью!

И под конец дружный хор — Экспертов! Экспертов!! Экспертов!!!

Загромыхали стулья и скамьи. Сотни каблучков выбивали дробь на деревянном полу. Судья заткнул руками уши.

— К порядку, джентльмены, — тонким голосом завопил он. — Вопрос об экспертах — очень трудный вопрос! Мы не будем решать его сейчас! Мы поговорим об этом после! А потом уже решим — нужны суду эксперты или нет!

И он опасливо поглядел на Брайана.

Дело было отложено до следующего заседания.

СПОРЫ В СУДЕ

Защитники говорили: экспертиза ученых необходима. Дарвинизм — учение, которое признают правильным все великие ученые мира. А присяжные ничего о нем не знают, они необразованные, невежественные люди. Пусть ученые объяснят им, что такое дарвинизм — тогда они смогут уже решать, виновен ли учитель, который преподавал его детям. А если ученые докажут, что дарвинизм — правильное учение, то значит несправедлив закон, который запрещает учить о дарвинизме. Тогда

суду нужно обратиться в законодательное собрание и просить, чтобы оно отменило несправедливый закон!

Но старый судья старался не слушать защитников. Он боялся, что бог накажет его, если он послушает ученых. Он насупился и уткнулся носом в газету.

А Брайан говорил: не нужно суду никакой экспертизы! Присяжные сами разберутся и в дарвинизме и в Библии. Суду известно, что Скопс учил по недозволенной книге. Поэтому Скопс виновен, и ученым нечего делать на суде. Неужели сами присяжные не могут разобраться в этом деле? Народ штата Тенесси издал закон против дарвинизма, и никакие профессора не могут его изменить. А если народ захочет — он запретит и физику, и географию, и математику! Он не посмотрит ни на каких экспертов!

Дайтонцы, которых было больше всего в зале, кричали: — Правильно, браво! — И хлопали Брайану. Но многие из приезжих смеялись.

Спор об ученой экспертизе продолжался целый день. Ораторы охрипли от речей. Чтобы охладиться, они то и дело подходили к столу и пили воду из графина. Старый слуга то и дело бегал в прихожую за водой.

Пятьсот репортеров и стенографисток тщательно слушали и записывали каждое слово ораторов.

ДАЙТОН ВСТРЕВОЖЕН

Жители Дайтона кучками собирались на улицах, перекрестках и площадях. Они забыли свои уютные квартиры с мягкой мебелью и цветами.

Они дежурили у здания суда на панели и каменных ступеньках крыльца.

Они десятками толкались в парикмахерской. Маленькая парикмахерская сделалась настоящим клубом.

Все говорили только о том, что делается «там». «Там» — это было серое здание с черепичной крышей. «Там» — это где рассуждали о Библии и науке, о божестве и обезьянах.

Все спорили:

О безбожнике Скопсе.

О благочестивом судье и мудром Брайане.

О красноречивом Дарроу и его сторонниках.

В городе было неспокойно.

ГЕРОИ ПРОЦЕССА

Расклеенные по городу афиши извещали:

ЭЙ!!!

ЛЭДИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ — СПЕШИТЕ!!!

ТОЛЬКО У НАС — В ЦИРКЕ „АЛЬГАМБРА“

КАНАТНЫЕ ПЛАСУНЫ И АКРОБАТЫ!

ЮМОРИСТЫ

САМЫЕ ОСТРОУМНЫЕ ПАРНИ В МИРЕ!

и наконец:

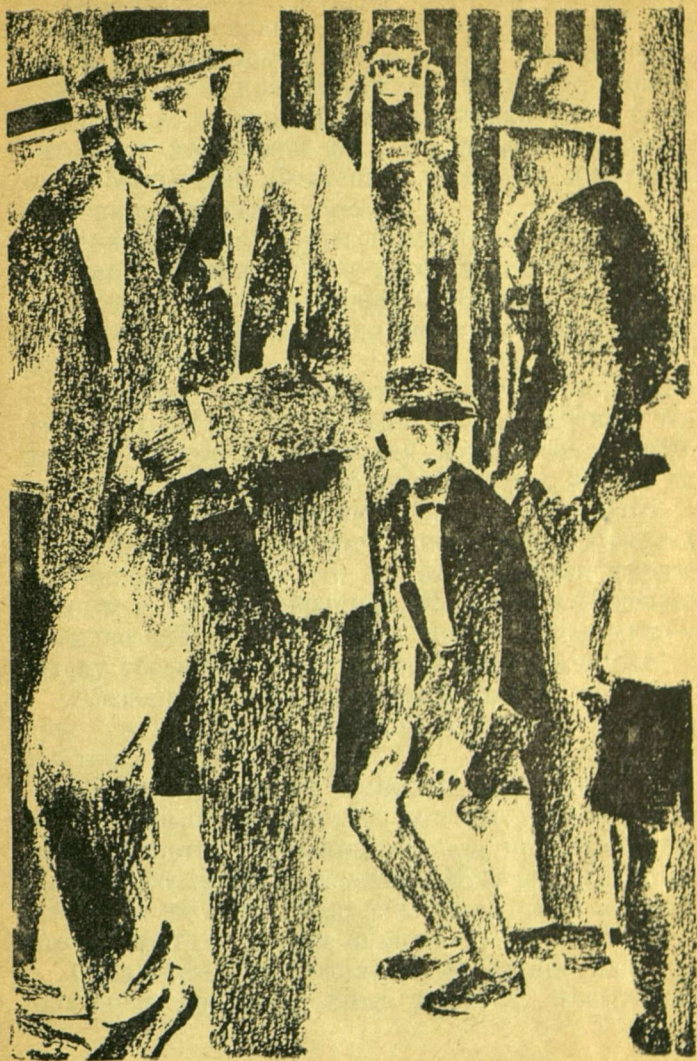
ВСЕМИРНО-ИЗВЕСТНЫЙ ДРЕССИРОВЩИК

ЗНАМЕНИТЫЙ ФОКУСНИК

ПЕРВОКЛАССНЫЙ МАЭСТРО — МИСТЕР Х.

ДЕМОНСТРИРУЕТ КЛАССИЧЕСКИЙ НОМЕР:

!!! ОБЕЗЬЯНИЙ БОКС !!!

Первоклассный маэстро был просто-напросто бродячим фокусником. Он слышал, что в Дайтоне совсем нет зверинца, и привез своих двух обезьян, чтобы устроить представление. Многие дайтонцы никогда еще не видели живых обезьян. Всем было интересно посмотреть их. На вокзале собралась толпа обывателей. Фокусника и обезьян встретили громкими криками и смехом.

Пришел даже городской шериф. Это был очень строгий господин. Рот у него был до ушей, а по щекам вились густые черные бакенбарды. Он заложил руки за спину и важно расхаживал взад и вперед по платформе.

Обезьяны были заперты в клетке. Они были очень похожи на людей, — такие длиннорукие, волосатые человечки. Косматая коричневая шерсть ежиком. А морды совсем голые, без волос. Только на щеках длинные клочья шерсти, вроде бакенбард.

— Настоящие ручные шимпанзе! — объяснял фокусник. — Только что из заграничного турне! Дебюты в Англии, Франции, Испании и Мексике! Грандиозный успех! Масса трюковых номеров — прошу убедиться! Выступление завтра в цирке!

Обезьяны прыгали по перекладинам, гонялись друг за другом и строили смешные гримасы публике.

Школьники кучкой теснились у клетки и дразнили обезьян прутиками, которые просовывали сквозь решотку. Обезьяны хватали прутики и тащили к себе цепкими лапками. Мальчики хохотали и бросали им орехи. Шимпанзе ловко ловили орехи ртом и прятали языком за щеку.

Одна обезьянка поднялась на задние лапки и просунула мордочку сквозь решетку. Блестящие

черные глазки ее быстро-быстро заморгали от солнца. Обезьянка будто удивилась — зачем и откуда здесь собралось столько народу.

— Шериф, шериф! Смотрите! — закричал вдруг один мальчик.

Все обернулись на шерифа и захохотали. Бакенбарды у обезьяны оказались точь-в-точь как у шерифа — черные и курчавые. И рот у обезьянки был тоже до ушей! Если б она была побольше ростом и одела бы черный сюртук с блестящими пуговицами — ни за что не разобрать бы, кто обезьяна и кто шериф.

Шериф побагровел, и щеки его затряслись.

— Прочь отсюда, бездельники! — заорал он всю глотку. — Джентльмены, — обратился он к зрителям, — не годится пускать ребят на такие зрелища! Это вредно отражается на их нравственности!

Зрители тотчас же разогнали школяров.

СПЕКТАКЛЬ НЕ СОСТОЯЛСЯ

Фокусник ночевал в гостинице. Клетка с обезьянами стояла в конюшне. Фокусник спал.

Вдруг — тихий стук.

Маэстро вскочил с постели, набросил на плечи халат и кинулся к двери.

Перед ним стоял хозяин гостиницы. Он держал в руке зажженную свечу.

— А, это вы, сэр! Что скажете? — весело спросил маэстро.

— Скверная история, мистер фокусник! — зашептал хозяин. — У меня ночуют два приезжие пастора. Они хотят, чтобы я сейчас же удалил вас

из гостиницы. Видите ли, они—служители божии и не могут ночевать под одной крышей с обезьянами! Сегодня же ночью вы должны уезжать, сэр, иначе вам придется плохо!

— Выезжать? Ночью? — вскричал маэстро. — Чорт побери! Но где же я достану лошадей, чтобы свезти моих животных?

— Я вам одолжу свою подводу и кучера, — сказал хозяин. — Немедленно двигайтесь в путь, сэр. Дело может кончиться скверно! В городе только и разговору, что об этих проклятых обезьянах!

Через полчаса подвода, запряженная двумя мулами, выезжала со двора гостиницы. Маэстро закутался в широкий черный плащ и надвинул на глаза шляпу.

На подводе стояла клетка с обезьянками. Она была прикрыта черным полотном. Маэстро и ученические обезьяны уезжали из негостеприимного города.

«ГНЕВ ГОСПОДЕНЬ»

Господь бог разгневался на дайтонцев. Город посетили чудеса и небесные знамения.

Об этом говорили всюду — в домах, на улицах, в конторах и прачечных, в омнибусе и парикмахерской.

Страшные слухи бродили по городу.

Началось это так.

На окраине города жила старая вдова гробовщика. Ей приснился как-то сон:

Целая армия обезьян — огромных, косматых чудовищ, напала на город. Чудовища были вооружены дубинами и пиками. Они носились по улицам и пожирали жителей. Город подожгли с четырех

концов. Все спасались, кто куда. Чудовища выволокли из церкви пастора. Они разорвали его в клочки и сожрали. Вместе с его сюртуком и молитвенником! Перед зданием суда чудовища разожгли костер и, приплясывая «уан-стэп», сжарили на вертеле достопочтенного Джона Раульстона, судью!

Проснулась вдова в холодном поту. И сейчас же побежала рассказать приятельнице. Та, в свою очередь, рассказала об ужасном сне знакомой даме из «Женского Общества Трезвости».

А потом — о страшном сне узнали по порядку:

1) Племянник этой дамы (клерк из конторы по продаже швейных машин).

2) Все собрание «Женского Общества Трезвости».

3) Пастор (и весь причт пресвитерианской церкви).

4) Прихожане его, и, наконец,—

5) весь город.

Благочестивые жители приуныли. Что пророчит сон мирным гражданам Дайтона? Пастор сказал проповедь на эту тему.

— Это знамение божие! — говорил пастор. — Господь покарает нас за безбожие, которое свило себе гнездо в Дайтоне! Мы должны изгнать из города обезьяньих людей!

А тут подоспело и еще одно «знамение».

Лето в Дайтоне случилось сухое и знойное. И вот, в один жаркий день высох до дна большой загородный пруд, где обычно купались и удили рыбу дайтонцы.

Все, от мала до велика, спешили увидеть необыкновенное зрелище. Там, где расстился ши-

рокий пруд, осталось только вязкое болото. По илу и грязи шлепали зеленые лягушки.

— Ох, не проста это! — вздыхала старая вдова. — Ведь в этом самом пруде безбожник-учитель ловил черных окуней!

И по городу пошли разговоры:

— Это нехороший признак!

— Господь не терпит нечестивых!

— Вон проклятых обезьяньих адвокатов!

Вскоре в клубе-парикмахерской состоялся митинг. А в этот же вечер неизвестные люди перебрасывали камнями стекла в доме, где жил защитник Скопса — Дарроу.

Защитникам Скопса уже нельзя было показаться на улице. Их встречали свистом и угрозами. А многие бросали в них камни. Адвокаты, выходя на улицу, стали брать с собой револьверы. С ними постоянно ходил полисмен.

Шериф выписал вооруженные отряды полиции.

По всем перекресткам и площадям были поставлены усиленные караулы и посты.

Город оказался на военном положении.

По улицам спешно расклеивались приказы мэра:

В ЦЕЛЯХ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТИШИНЫ И ПОРЯДКА

ВОСПРЕЩАЕТСЯ

СОБИРАТЬСЯ НА УЛИЦАХ БОЛЕЕ, ЧЕМ

ПО ПЯТИ ЧЕЛОВЕК ВМЕСТЕ.

ПРОТИВ Ослушников БУДУТ ПРИНЯТЫ

ПОЛИЦЕЙСКИЕ МЕРЫ

мэр г. Дайтона.

Заседания суда тем временем продолжались.

Защитники и обвинители спорили—правилен ли закон, по которому нельзя обучать детей дарвинизму. Защитники говорили: ведь по конституции выходит, что Америка—свободная страна. Недаром в самом большом городе, Нью-Йорке, американцы поставили статую свободы. А если так, то значит, что учить детей можно чему угодно. Не противоречит ли закон, изданный в Тенесси, американской конституции?

Защитники говорили: если нельзя учить детей дарвинизму, то нужно запретить и учение о том, что земля движется вокруг солнца. Если дарвинизм противоречит Библии, то и это учение тоже плохо вяжется с Библией. Ведь в книге псалмов Давида ясно сказано, что земля стоит неподвижно. Если запретить дарвинизм, то придется запретить также всю астрономию, физику и геологию. Чему же тогда учить детей в школах?

Старый генерал-обвинитель сказал в ответ, что защитники чересчур ученый народ! Напрасно они приехали сюда, в Тенесси, где живут простые люди. Генерал хотел, чтобы дайтонцы вступились в спор и поддержали обвинителей. Защитник ответил, что это провокация, что генерал хочет заткнуть рты защите.

Зрители закричали и засвистели. Пришлось вмешаться судье. Он выплюнул свою резинку изо рта и сказал, что нужно удалить из зала присяжных заседателей. Судья объяснил, что все присяжные — добрые христиане, им не годится слушать разговоры о дарвинизме.

Защитники заспорили. Присяжные ведь должны все знать, о чем говорится на процессе. Иначе, зачем их выбирать? Но судья не согласился с ними.

Присяжные, в руках которых была судьба учителя Скопса — удалились из зала заседания. Так они и не поняли — справедливы ли законы Тенесси, или нет. Впрочем, это им было и неинтересно.

Учитель Скопс молча сидел на своей скамье. За спиной у него стояли два полисмена и зевали во весь рот.

И суд продолжался — без присяжных.

СЕКРЕТ СУДЬИ РАУЛЬСТОНА

Заседание суда продолжалось.

Свидетели стали давать свои показания суду.

Судья вызвал профессора Балтиморского университета. Профессор сорок лет изучал зоологию за границей. Он должен был сказать суду всю правду о дарвинизме.

Поднялся один из защитников.

— Профессор! — сказал он. — Знаете ли вы ученых, которые не верят дарвинизму?

— Я знаю, что... — начал профессор.

— Нельзя задавать таких вопросов! — закрычал с места старый генерал-обвинитель. — Это разрушает веру в религию!

Судья Раульстон встал и позвонил колокольчиком.

— Это верно! — важно сказал он. — Профессор! — обратился он к старику, — скажите об этом мне на ухо, так чтобы никто не слышал!

Защитники засмеялись. В зале все хихикали. Но судья сделал вид, что не слышит. Важно под-

жавши губы и склонив голову на бок, он слушал старого профессора. Тот шептал ему что-то на ухо.

Когда профессор кончил, судья кивнул головой и сказал:

— Отлично, сэр, отлично! А теперь сообщите то же самое на ухо секретарю! Он должен занести ваш ответ в протокол. Но помните — то, что вы сказали — не должно быть известно посторонним!

Показания старого профессора остались секретом для всех, кроме судьи и секретаря.

РЕЧЬ БРАЙАНА

На следующий день Уильям Дженнингс Брайан должен был выступить с речью об ученой экспертизе.

Все уже давно ожидали этой речи.

Зал суда был переполнен. Негде было ни стать, ни сесть. Дежурные полисмены охраняли двери от напора любопытных.

Наконец, явился Брайан.

Он был встречен дружными рукоплесканиями.

Судья объявил, что прения сторон о научной экспертизе открываются, и Брайан начал свою речь.

Брайан сказал, что если суд признает ненужность экспертизы, то процесс почти кончен. Ведь тогда остается только решить, — читал ли Скопс лекцию о дарвинизме — и все. А что он читал — это все знают, об этом спорить никто не будет. Значит — он виновен, и присяжные уже могут ему вынести приговор. Скопс знал, что есть закон против дарвинизма, и он его нарушил. Для суда больше ничего не надо.

— Эксперты не нужны, — говорил Брайан, —

потому что они не могут идти против закона. Зощитники говорят, что закон неправилен. Но это дело законодательного собрания, которое издает законы. Это не дело суда, и оспаривать закон в суде нельзя.

Потом Брайан заговорил уже о самом дарвинизме. Это было его любимой темой, и он мог говорить об этом без конца.

— Ах, как он говорит, — шептала старая дама, сидевшая в переднем ряду скамей. — Боже мой, это точь-в-точь пророк или апостол Павел! Недаром же его прозвали «Серебряный язык»!

Брайан страшно выворачивал глаза и потрясал в воздухе тяжелым томом.

— Взгляните на эту книгу, — кричал он дребезжащим голосом. — Это — «Биология» Гюнтера! Разверните страницу 194! Вы найдете здесь диаграмму. Она показывает происхождение человека от животных. Здесь говорится, что человек такое же млекопитающееся, как и слон! Здесь говорится, что от гнусных обезьян произошел человек. Человек, слава и величие вселенной! Даже не от американских обезьян, а от европейских! Позор! Вот чему учит Дарвин! И нас приглашают выбросить Библию и заменить ее вот этим!

Он отшвырнул книгу в угол и крикнул:

— Эти двенадцать присяжных больше понимают в Библии, чем все эксперты. А кроме Библии честному христианину ничего не нужно. Библия есть слово божие и единственная надежда человека на спасение!

— Аминь! — раздался чей-то голос из толпы.

Оратор порывисто сел. Ему аплодировали, кричали «браво» и бросали цветы. Дама с передней

скамьи рыдала в восторге. И махала оратору платком, которым вытирала слезы.

С ответом Брайану выступил защитник — помощник Дарроу. Но его уже никто не хотел слушать. Публика шумела, топала ногами и свистела. Судья долго не мог ее успокоить.

Все ждали, что будет говорить чикагская знаменитость — Кларенс Дарроу.

А Дарроу молча сидел за своим столом. Он перебирал лежавшую перед ним кучу бумаг.

Иногда он поднимал глаза на толпу, на Брайана и судью. И насмешливо улыбался.

И НАКОНЕЦ СУДЬЯ РЕШИЛ

В кабинете старого Раульстона были развешены картины из священного писания. Кабинет служил местом молитвы для судьи.

Перед заседанием судья молился всю ночь.

Положив последний поклон, он принял твердое решение.

На утро судья явился в суд строгим и умиротворенным.

И тотчас же он объявил свое решение о научной экспертизе.

Решение было такое:

«Суд не должен рассуждать и решать, что правильнее: библейский рассказ о божественном сотворении человека или учение Дарвина о происхождении человека от животных. Это не дело суда и не подлежит судебному разбирательству. Не дело суда также разбирать, справедлив ли закон, запрещающий обучение дарвинизму в школах. Закон этот издан — и суд не может его оспаривать.

«Учение Дарвина запрещено законом. Поэтому свидетельства ученых, — правильно ли это учение или нет — нам не нужны.

«Суд поддерживает мнение обвинителя и отвергает показания экспертов, так как они не имеют никакого отношения к процессу».

Выслушав это, Дарроу усмехнулся.

— Учение Дарвина, — сказал он, — занимало лучшие умы в течение столетий. Суд Тенесси опроверг его в течение трех минут! Даже не выслушав экспертов и не узнав в чем дело!

А Брайан довольно улыбался — ведь судья стал на его сторону. Члены совета обвинения пожимали ему руки и поздравляли с победой.

Зрители же были разочарованы.

— Досадно! — говорили они. — Интересно, как Брайан сцепился бы с этими учеными еретиками!

КОЛОННЫ ПРАВОВЕРНЫХ

На углу Гомперс-Стрит и Пятой Авеню стоял «бык».

«Бык» — американское уличное прозвище полисменов.

На «быке» был надет черный кожаный шлем и белые перчатки. На куртке блестели пуговицы и большая бляха с номерком.

Июльское солнце припекало гуляющих по улице. Джентльмены снимали свои пиджаки и бродили с дамами под руку в одних белых рубашках.

По улицам проезжали тележки разносчиков и омнибусы, запряженные тощими мулами.

У полисмена было каменное неподвижное лицо.

Только дымок, струившийся из его короткой трубки, указывал, что на перекрестке не статуя, а живой человек.

Где-то вблизи послышался треск барабана и музыка.

И сразу — из-за угла показалась процессия. Она сворачивала на Гомперс-Стрит.

Полисмен поднял белесые брови.

Два тучных человека в котелках, обливаясь потом, тащили впереди на древках огромный плакат:

**Д СКОПСА!
О ДАРРОУ!!
Л БЕЗБОЖИЕ!!!
О ДАРВИНА И
Й ОБЕЗЬЯНЫХ
!!! ГОСПОД!!!!**

**ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЧЕСТНЫЕ
ФУНДАМЕНТАЛИСТЫ ТЕНЕССИ!**

— Гм... м... — промычал полисмен. На него надвигалась процессия. В передних рядах, держась за руки, шагали старики — ветераны войны. Золотые перевязи их сверкали на солнце. Белые султаны на широкополых шляпах раскачивались в такт ходьбе. За ними, шеренгами, под бой барабана, двигалась остальная масса — марш-маршем, в ногу, по шесть человек в ряду.

Полисмен вытянулся в струнку.

Мимо него промаршировал оркестр. Джентль-

мены в коротких полосатых брюках и клетчатых жилетках наигрывали на жестяных дудочках гимн «Янки Дудль». Пестрые банты и флажки красовались на их шляпах. У некоторых на груди блестяли медные медали.

Демонстрация заворачивала за угол и вскоре исчезла из глаз.

Полисмен встряхнулся и поднес трубку ко рту. Все было в порядке и общественной безопасности ничто не угрожало. Полисмен был фундаменталист.

Издалека, оттуда, куда исчезла процессия — донеслись заглушенные крики и шум. И вдруг пронзительный свист прорезал воздух.

Полисмен схватился за свисток и сорвался с места.

Он летел как пуля. Подбитые железом ботинки громыхали по булыжной мостовой.

Полисмен поворотил за угол. Шествие прошло именно тут.

За углом у самой панели стоял игрушечный деревянный домик с плоской крышей и стрельчатыми окошечками. Домик стоял на платформе, к которой были прилажены колеса на резиновых шинах. Впереди игрушечного домика был устроен руль, а сзади — дверь. Обе половинки двери были расписаны изречениями из священного писания. Здесь же было наклеено объявление: «входная плата — 5 центов».

Это была странствующая передвижная церковь-автомобиль. Демонстранты тесной толпой окружали ее со всех сторон. Древками флагов и палками они били стекла, ломали машину и старались до-

стать до крыши. А по крыше, согнувшись, бегал человек на длинных кривых ногах. Он отчаянно вопил о помощи и увертывался от ударов.

Это был «чужак» — проповедник из другой секты. Полисмен налету врезался в толпу.

— Джентльмены, к порядку! В чем дело, джентльмены?!

Целый хор голосов завопил в ответ:

— К чертям! — Тащи его с крыши, Билль! — Еретик обезьяний! — Бей! — Линчевать!

Полисмен поднял резиновую палку над головой.

— Именем закона! — Он сделался опять неподвижным, как статуя, и лицо его стало каменным.

Толпа на минутку притихла. Перед ней стоял сам закон с резиновой палкой в руке.

— В чем обвиняют этого человека? — строго спросил полисмен.

— Он богохульствует! — завопил человек в котелке. — Он проповедывал здесь, что дарвинизм во всем согласен с Библией! В деготь его!

Полисмен насупился и сказал:

— Я должен отправить его к мэру. Там расследуют это дело. Драка на улицах строго воспрещается джентльмены! Слезайте оттуда, эй, вы, сэр!

Тоший человек сполз с крыши.

— Именем закона! — повторил полисмен, клая ему руку на плечо. — Вы арестованы! Следуйте за мной.

Толпа зашевелилась и закричала. Раздались протестующие возгласы. Но полисмен уже шагал со своим пленником дальше. Он направился к своему посту — угол Гомперс-Стрит и Пятой Авеню. Арестанта он крепко держал за рукав.

Полисмен остановился на перекрестке и выпустил руку пленника.

— Ну, сэр, — сказал полисмен, хлопая его по плечу. — Можете убраться подобру, поздорову! Наши ребята, как видите, нервничают и могут натворить чорт знает что из пустяков. Удирайте-ка отсюда, да как можно скорее! Да благодарите бога, что я вас арестовал, иначе родители не сыскали бы и ваших косточек! Не попадайтесь в другой раз!

И пленник припустился со всех ног.

ЗА БИБЛИЕЙ

Процесс был почти окончен.

Показаний ученых суд не пожелал выслушать.

Закон против дарвинизма суд признал правильным. Присяжным оставалось только вынести приговор Скопсу и разойтись по домам.

Однако, все чего-то ждали и волновались. Никому не верилось, чтобы знаменитый столичный адвокат уступил так скоро. Ведь все недавно слышали о знаменитом процессе двух миллионеров. Они убили мальчика из любопытства. Им хотелось посмотреть, как умирают люди. Миллионерам грозила казнь на электрическом стуле. И что же? Они заплатили Дарроу несколько тысяч долларов. Он взялся их защищать и миллионеры были оправданы!

— Вот это настоящий адвокат! — говорили про него в Чикаго. — Всегда сух из воды вылезет!

Вот какой замечательный защитник был Дарроу!

И все ждали решительной схватки между Дарроу и Брайаном.

Но Дарроу пока не выступал. Весь процесс вели его помощники. Сидя в своем кресле, он загадочно молчал. И прищуренным глазом поглядывал на толпу.

Почему он молчал? Брайан этого не понимал. И он усиленно готовился к бою.

Брайан сидел один в своем кабинете.

В комнате был полумрак. Темнозеленая лампа освещала только стол, за которым сидел обвинитель. Громадная черная тень ложилась за его спиной на полу.

На столе перед ним лежала толстая пожелтевшая книга. Тяжелый кожаный переплет ее был разрисован золотом и киноварью. На боку книги блестели медные застёжки, как на прочной дубовой шкатулке.

Это была Библия—книга старинных преданий о прошлом земли и человечества. Здесь рассказывалось о многих чудесных и невероятных вещах. О том, как рассерженный бог за грехи людей травил их жабами и песьими мухами. О том, как старик Ной плавал со своим зверинцем в ковчеге и что из этого вышло.

Сотни лет люди верили, что все, о чем рассказывает древняя книга — правда. А кто не верил — тех священники и монахи жестоко мучили, выворачивали им суставы, морили голодом, сжигали на кострах.

Да, это была страшная книга! Ее нельзя было оскорблять. За это жестоко мстила церковь.

Брайан щелкнул застёжками и развернул книгу.

Картинка на первой странице изображала, как бог делает мир в шесть дней. Бог был нарисован босым стариком в длинной белой рубашке. Курча

вая борода его завилась кольцами, как клубок змей. Голова испускала во все стороны лучи, точно уличный фонарь. Бог поднимал руки к небу и благославлял сотворенных животных. А они ползали у ног его целой кучей — и тигры, и слоны, и ящерицы, и рыбы, и жирафы. Это был целый зверинец, в котором бог был как бы укротителем.

Брайан перевернул страницу с картинкой и прочел вслух:

«В начале сотворил бог небо и землю.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и дух божий носился над водою.

И сказал бог: да будет свет»...

Брайан закрыл глаза и задумался. Что было, когда земли не было? Он попробовал вообразить себе это. Получалось так — сплошь тьма, как в погребу, и только где-то дух божий шарахается крыльями. Жутко!

— Носился над водами... — думал Брайан. — Гм... Откуда же вода?.. Земли ведь еще тогда не было... На чем же вода держалась?..

— Над водами... — снова лезло к нему в голову. — Сыро, наверно, было... и мокро... Да... Калош тогда еще не было... Зонтиков...

Голова его уткнулась носом в книгу, и лысина вдруг стала зеленой, как арбуз.

Через минуту в комнате раздался храп.

ДВАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Настало жаркое утро.

Конторщики, лавочники, модистки, комиссионеры, цирюльники, старики и дети — словом, все население Дайтона направлялось в суд.

Сотни фермеров с семьями наехали из окрестных селений. Площадь перед зданием суда стала похожей на большой воскресный базар.

У входа в зал суда помещалась книжная выставка. Агент религиозной секты «Лига Высшего Озарения» бойко зазывал покупателей. В витрину под стеклом лежали книги в желтых и черных обложках.

Это были сочинения Уильяма Дженнингса Брайана о христианстве и дарвинизме. Это были очень толстые книги. Брайан написал их много:

«Угроза дарвинизма»,

«Библия и ее враги»,

«Во имя Его»,

«Должно ли христианство оставаться христианством».

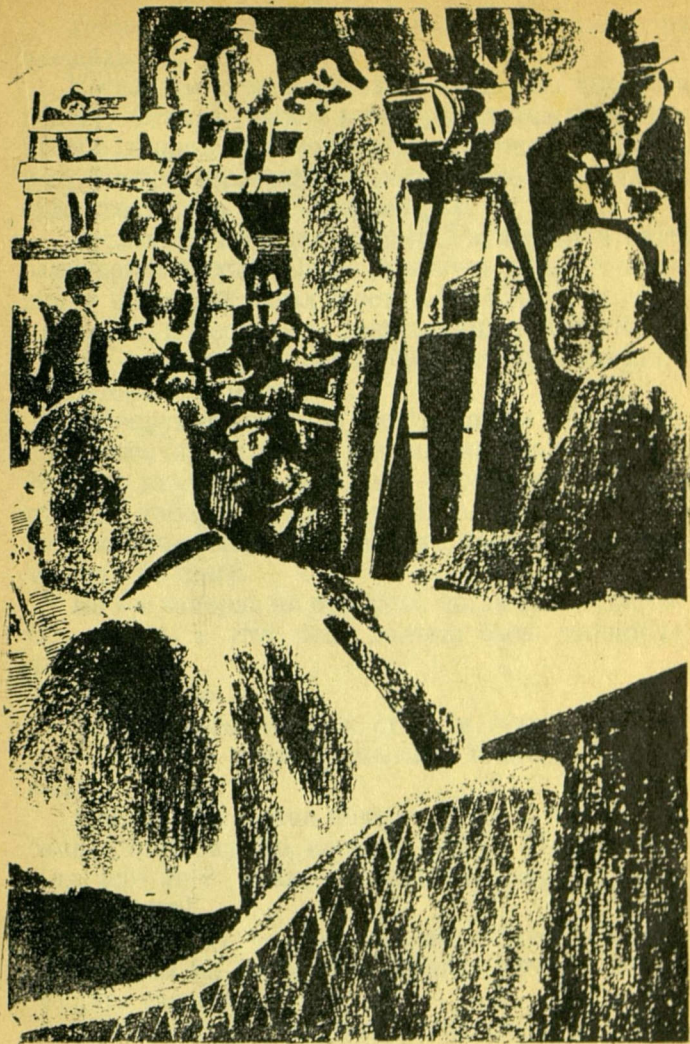
И еще и еще, все об одном и том же.

Мимо витрины, к дверям библиотеки, продвигалась гуськом длинная очередь. В дверях была толкотня и давка. Оттуда выскакивали, протискиваясь через толпу, красные, взъерошенные люди.

И каждый тащил под мышкой стопку книг.

В зале судебных заседаний нельзя было ни встать, ни сесть. Все новые и новые толпы вваливались в открытые двери. Стоявшие у дверей полисмены были оттерты и притиснуты в угол. Зрители, не успевшие занять скамей, садились на полу вокруг эстрады, лепились на лестницах и хорах. Деревянные перила галлерей трещали от напора сотен любопытных. Шум стоял такой, что можно было оглохнуть.

— Это ужас, мистер Раульстон! — шептал судье испуганно шериф. — Галерея не выдержит такого груза! Дело может кончиться катастрофой!

Тогда судья приказал перенести заседание на площадь.

Несколько дней тому назад здесь был выстроен помост. Отсюда Брайан в перерывах между заседаниями говорил свои проповеди дайтонцам. На помост быстро перетаскивали столы и кресла, и члены суда уселись на открытом воздухе.

Посредине восседал старый Раульстон в своем бамбуковом кресле. Он по привычке жевал свою резинку и перелистывал газету. По правую и левую руки его поместились защитники и обвинители. Сзади — полукругом репортеры, фотографы и кинооператоры с аппаратами.

А вокруг помоста, по всей площади нагромодились тысячи зрителей. Кто на шарабанах, кто на телегах, кто просто на земле — прямо не суд, а цыганский табор. На деревьях сидели сотни мальчишек, которые кричали и галдели, точно птицы, улетающие на зиму.

Но все замерло на площади, когда встал Дарроу. Все ждали: в этот день должно быть что-нибудь интересное.

Стало тихо.

Дарроу повернулся к судье и сухо сказал:

— Защита желает вызвать мистера Брайана в свидетели.

Старый Раульстон поднял брови и пожевал губами. По закону это, конечно, можно. Но все-таки? Для чего это? Какие странные желания у господ защитников!

— Гм! Гм! — сказал он задумчиво. — Мистер Брайан, вы не возражаете против того, чтобы выступить свидетелем?

Брайан гордо встряхнул головой.

— Нисколько! — презрительно отозвался он. — Я готов ответить на все вопросы мистеру Дарроу! И под шумные аплодисменты толпы Брайан перешел на скамью свидетелей.

БИБЛИЯ И АСТРОНОМИЯ

— Вы долго изучали Библию, мистер Брайан, не правда ли? — спросил Дарроу.

— Я изучал ее пятьдесят лет! — торжественно ответил обвинитель.

— И вы думаете, что в Библии все должно пониматься буквально?

— Да! Я верю всему, о чем говорится в Библии!

— Отлично! — сказал Дарроу, помолчав секунду. — Гм... В Библии написано, что Иисус Навин приказал однажды остановиться солнцу. Верите ли вы этому?

— Конечно!

— Мистер Брайан, знаете ли вы, что случилось бы, например, с землею, если бы она остановилась?

— Не знаю! — засмеялся Брайан. — Это меня не касается! Бог, сотворивший землю, позаботится о том, чтобы она не остановилась!

— Вам неизвестно, что земля стала бы тогда мягкой и бесформенной массой?

— Гм... м... — замялся Брайан. — Я бы хотел услышать показания эксперта об этом!

Дарроу сделал вид, что сильно удивлен.

— Вы никогда этого не изучали? — спросил он, сделав большие глаза.

— Нет! — гордо ответил обвинитель. — У меня не было времени! Я был занят более важными делами, чем астрономия.

Дарроу развернул лежавшую перед ним Библию.

— В Библии написано,—сказал он,—что всемирный потоп уничтожил когда-то все живое на свете. Не можете ли вы сказать, в каком именно году был этот потоп?

— Я не могу точно указать время... — замылся Брайан.

— Мистер Брайан, — сказал защитник ласковым голосом. — И вы верите, что все животные, не попавшие в ковчег Ноя, погибли?

— Да, разумеется!

— Все ли? — переспросил Дарроу.

— Конечно, все! — раздраженно крикнул Брайан.

— А рыбы?!

— Гм... м... Ну, рыбы, я думаю, остались.

— Рыбам, значит, повезло? — улыбнулся Дарроу.

Кругом захохотали. Толпа закричала:

— Правильно, Уильям!

— Не поддавайся, старик!

— Рыбу-то не утопишь! Никакой потоп не возьмет!

Брайан побагровел и закусил губу.

— Рыбы... Это я сказал в шутку! — с досадой крикнул он.

У Дарроу было безразличное лицо. Он равнодушно перебирал листки лежавшей перед ним книги.

— Верите ли вы, — опять спросил Дарроу, — что первыми людьми на земле были Адам и Ева?

— Да! — отвечал сердито Брайан.

— И у них, кажется, был сын — Каин?

— Да!

— Мистер Брайан, — вкрадчиво спросил Дарроу. — В Библии сказано, что однажды Каин женился. Не можете ли вы сообщить — где он достал себе жену? Ведь кроме Адама и Евы других людей тогда на земле не было?

— Не интересуюсь этим, сэр! — дрожащим от злобы голосом отвечал Брайан. — Пусть безбожники гоняются за этим!

— Фью-у-у! — свистнул кто-то в толпе.

— Эге-ге! — Сдаст старик, сдает! — кричали фермеры.

Брайан бросил отчаянный взгляд на судью. Но начатый допрос нельзя было прерывать. Судья должен быть беспристрастен.

И старый Раульстон торопливо закрылся газетой.

За спиной судей весело перемигивались репортеры. Фотографы, прикрывшись черной тряпкой, наводили свои аппараты на обвинителя, ставшего теперь подсудимым.

Допрос продолжался.

ЧЕМУ РАВЕН ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ?

Зрители стали замечать, что с Брайаном происходит что-то неладное. Он то краснел, то бледнел, на лбу мелкими капельками выступил пот. Он

не держался уже так прямо и гордо, как раньше, а как-то согнулся и съежился, перетаптываясь с ноги на ногу. Даже ростом он стал как будто меньше. Зрителей это забавляло, они хихикали и шептались.

А Дарроу хладнокровно продолжал задавать вопросы.

— Вы большой знаток Библии! — почтительно говорил он. — Первая глава книги бытия говорит: «И было утро и был вечер — день первый». Что это значит по-вашему? Был ли тогда двадцатичетырехчасовой день, как теперь, или нет?

Брайан мял в руках носовой платок.

— Я не думаю... что это был двадцатичетырехчасовой день, — с усилием прохрипел он.

— Не думаете? — улыбнулся адвокат. — Сколько же часов продолжался тогда день?

— Я не имею никакого мнения по этому вопросу!

— Отлично! — поклонился Дарроу. — Но ведь солнце, по Библии, было сотворено в четвертый день?!

— Да!

— Значит, был вечер и было утро, мрак и свет, а солнца еще не было. Что же тогда светило утром, если солнце еще не было сотворено? — удивился Дарроу.

— Го-го-го-го! — захохотали все кругом.

— Ловко он его поддевает!

— Браво, Дарроу! — закричали отдельные голоса из толпы.

Брайан побледнел. Потом побагровел. На лбу его вздулась синяя жила.

— Я не говорил о двадцатичетырехчасовом

дне! — зарычал он. — Тогда был просто период времени! Для краткости его называли днем!

— Хорошо, что все так удачно устраивается! — сказал Дарроу. — Ну, а сколько лет мог продолжаться этот период времени? Он мог быть очень продолжительным, не так ли?

— Я думаю! — смотря исподлобья, ответил Брайан.

— И творение мира, в таком случае, могло длиться очень долгое время? — прищурился Дарроу.

— Оно... могло длиться в течение миллионов лет.

— Совершенно верно! — поклонился Дарроу. — А по Библии — земля существует только около шести тысяч лет! Итог — не все в Библии нужно понимать буквально!

Толпу взорвало хохотом. Дюжие парни, сидевшие под деревьями, в восторге катались по земле, держась за живот. На деревьях визжали, свистали и гикали мальчишки. У столба заржала перепуганная лошадь. Поднялся такой гам, что ни защитника, ни обвинителя никто не слышал.

Судья сидел как в лихорадке. Он уткнулся в газету, и губы его дрожали. А ближайшие ученики Брайана, старые фундаменталисты, собирались кучкой у помоста. Они видели, что дело принимает скверный оборот, и хотели замять все это. И они загорланили, что было силы:

— Долой! Долой! Довольно!

— Прекратите допрос!

— Издевательство!!!

Но их голоса пропадали в общем гуле. Никто их не слышал, а если бы и слышали, то никто бы

не согласился отменить допрос. Все были рады интересному зрелищу. Такие скандалы ведь не часто бывали в Дайтоне!

КАК ПОЛЗАЛА СВЯТАЯ ЗМЕЯ?

У Дарроу лицо было совершенно равнодушное. Он как будто даже скучал — ничего особенного не происходило.

Дарроу опять перелистал Библию.

— В Библии написано, что змея соблазнила Адама и Еву поестъ запрещенных яблок. За это бог заставил ее ползать на животе. Верите ли вы этому? — снова спросил он.

Брайан стиснул руки так, что хрустнули пальцы.

— Прочтите по Библии! — сказал он сквозь зубы, глядя в землю.

Дарроу взял в руки книгу.

— «И сказал бог змее», — читал он торжественным голосом, как в церкви. — «Проклята ты всеми зверьми в доме и поле! На своем чреве ты будешь ходить и пыль будешь есть все дни твоей жизни».

— Вы думаете, что по этой причине змея ползает теперь на животе? — спросил он своим обычным голосом.

— Да, да, сэр, я верю этому!!

— Как же ползала змея до тех пор, пока она еще не согрешила? — улыбнулся защитник.

— Не интересуюсь этим, сэр! — злобно усмехнулся Брайан.

Дарроу хитро прищурился и склонил голову на бок.

— Может быть, она ходила на хвосте? Или на голове? — нежным голосом спросил он.

Площадь захохотала. Брайан побледнел и челюсти его затряслись.

— Вапа честь! — дрожащим голосом крикнул он судье. — Этот человек — неверующий в бога!.. Он хочет использовать наш процесс...

— Я протестую! — воскликнул Дарроу.

— ...чтобы оклеветать религию и посеять неверие в народе! — ревел Брайан с пеной у рта.

— Долой! Браво! Фью-у-у! Га-га-га-га! — редела, свистела и орала площадь.

Фундаменталисты бросились с кулаками на Дарроу. На эстраде разгорелась драка. Десяток полисменов кинулся на защиту. Под ударами дубинок и прикладов полетели с помоста люди. На помощь сторонникам Брайана бросились некоторые из зрителей. Судья швырнул свою мантию, прыгнул с помоста и бросился в автомобиль.

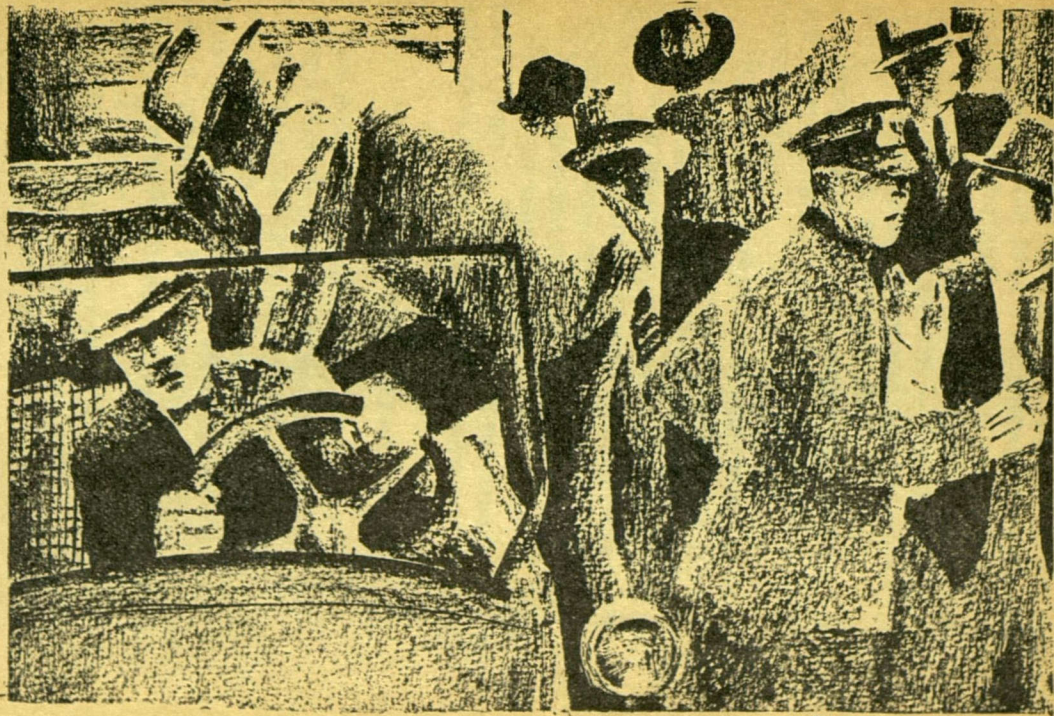
Мотор затрещал, зафыркал, и перепуганный насмерть судья умчался к себе на дачу. Портфель с делами и зонтик он забыл на эстраде.

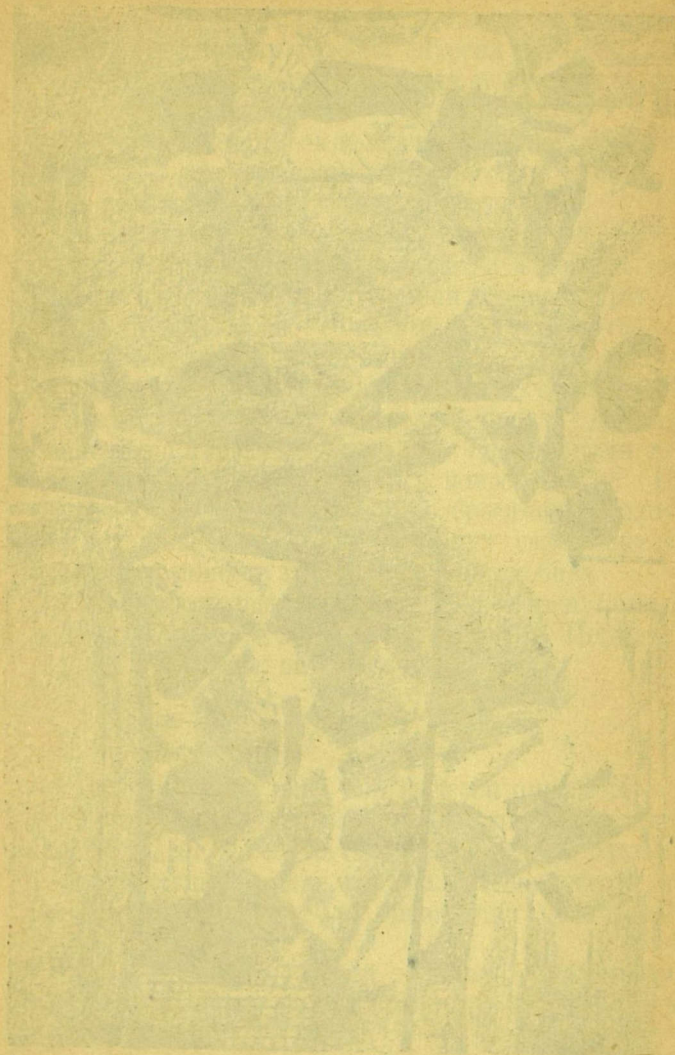
ПРИГОВОР

На следующий день был вынесен приговор.

Угрюмый и раздражительный явился старый Раульстон в суд. Он не спал всю ночь, под глазами у него вздулись синие пузыри. Судья уселся на председательское место и брюзжащим голосом заявил:

— Допрос свидетелей считаю оконченным! Сэр, — обратился он к шерифу, — введите жюри присяжных.

Присяжные, которые все время отсутствовали, явились. Судья встал, обратился к ним и сердито прочел наставление.

— Вы должны только решить — нарушил ли подсудимый закон или нет, — строго сказал он. — А дарвинизм и всякие такие теории оставьте в стороне! Нас это не интересует!

Присяжные, не слышавшие ни вопроса, ни речи защитников, удалились в свою комнату на совещание.

Через пять минут они уже вернулись. Присяжный старшина громко прочитал их решение:

«Присяжные суда Теннесси признают Скопса виновным в нарушении закона, изданного 23 марта 1925 года, воспрещающего преподавание теорий о происхождении человека от низших животных».

Судья пожевал губами и сказал:

— Нарушивший закон... Кхе, кхе!... учитель Джон Скопс... Кхе-кхе!... приговаривается окружным судом штата Теннесси к штрафу в сто долларов.

НЕЙТРАЛЬНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Так кончилось «обезьянье дело».

Знаменитый Дарроу умчался в Вашингтон. Он был вызван срочной телеграммой «керосинового короля» Америки. Так называется миллиардер, держащий в своих руках всю керосиновую промышленность и торговлю. Керосинового короля обвинили в мошеннической сделке, и ему срочно требовалась помощь Дарроу.

В телеграмме стояло только:

«Спешите. Предлагаю за участие в защите...»

Здесь было столько нулей, что трудно и сосчи-

тать. И Кларене Дарроу прямо с процесса покати́л в омнибусе на вокзал.

Все приезжие — журналисты и кинооператоры — уже разъезжались. Дайтон понемногу пустел.

Последний еще не уехавший репортер и хозяин гостиницы стояли у подъезда. Репортер был вполне готов к отъезду — чемодан в руке, плед через плечо, очки на носу.

Они дружески трясли друг другу руки.

Разговор шел об окончившемся процессе.

— Громкое дело, громкое дело! — деловито говорил хозяин. — Драки было порядочно! Что касается меня, сэр, то я держу нейтралитет. Но дельце такое, что руки погреть можно было!

— А в каком смысле, сэр, вы держите нейтралитет? — удивился репортер.

— В каком смысле? Хе-хе! А вот я вам расскажу сказочку про это!

И хозяин начал рассказывать:

— Трое парней остановились на ночлег. В гостинице было тесно. Отвели им одну комнату с одной койкой. Один лег в середине, другие по бокам. Ночь была холодная. А одеяло — узкое, не хватает на троих! Крайние-то и тащили одеяло спросонку — то вправо, то влево. И мерзли по очереди. А третьему было тепло, как за пазухой. Вот он, значит, и держит нейтралитет — понимаете, сэр?

— Хо-хо-хо! Здорово! — смеялся репортер. — Вы, стало быть, заработали со своих постояльцев?

— Еще больше заработаю! — сказал хозяин весело. — Читал в газете недавно, что у нас, в Дайтоне, открывается университет! Все профессора

там будут фундаменталисты. И все науки они будут преподавать только по Библии! Народу сюда много тогда съедется, придется вторую гостиницу открывать, хе-хе-хе! А мистер Брайан собирается стать ректором!

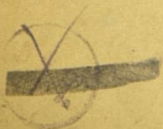
— Не придется ему быть ректором! — подмигнул репортер. — Старик чересчур много любил кушать!

— А что ж из этого? — удивился хозяин.

— Он плотно пообедал в жаркий день, и его хватил удар. Вчера я получил об этом известие из «Лиги».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Дайтон	3
Взбунтовавшийся город	—
Что же происходит в Дайтоне	7
Чему учил Дарвин	8
Посол господа бога	13
Деловой день судьи	15
10 июля 1925 года	17
Одиннадцать фермеров и один конторщик	18
За что судить?	20
Кого судить?	21
Как судить	25
Споры в суде	26
Дайтон встревожен	27
Герои процесса	28
Спектакль не состоялся	32
«Гнев господень»	33
Суд без судей	36
Секрет судьи Раульстона	37
Речь Брайана	38
И наконец судья решил	40
Колонны правоверных	41
За Библией	45
Двадцатое июля	47
Библия и астрономия	52
Счастливые рыбы	53
Находчивый Каин	54
Чему равен день творения?	—
Как ползала святая змея?	57
Приговор	58
Нейтральный джентльмен	61

duquesa
anapernina

60 =

